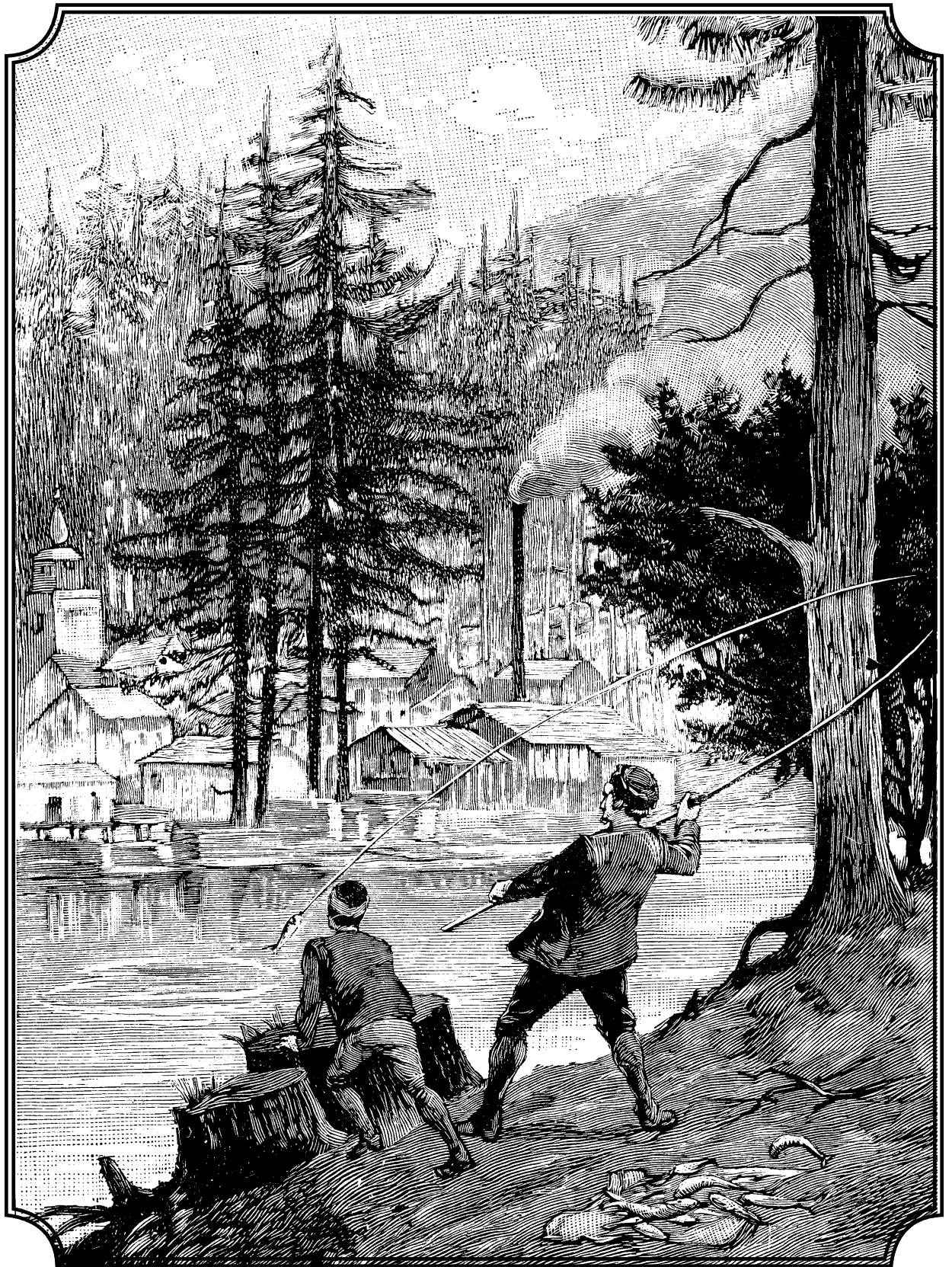

*Настоящим удостоверяется, что эта книга
является коллекционным изданием.
Переплет ручной работы создан с использованием
натуральной кожи по технологиям XIX века
и украшен тремя видами тиснения.
Книга отпечатана на бумаге премиум-класса.
Тираж 2023 года 10 экземпляров
в представленном оформлении.*

Экземпляр № .....

*Книга в переплете ручной работы
послужит нескольким поколениям
читателей.*

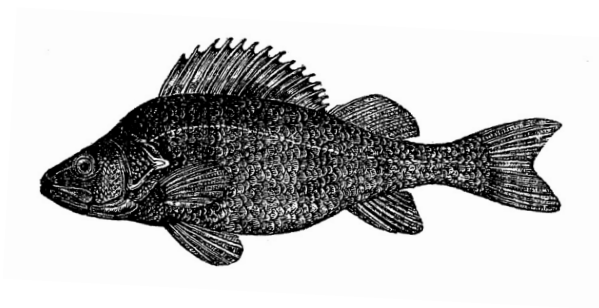

ПАВЕЛ ТЕРЛЕЦКИЙ

РЫБАЛКА

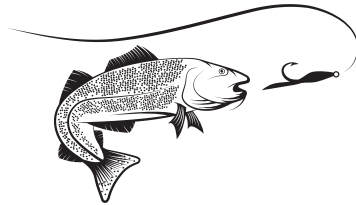

В НАШИХ РЕКАХ
И ОЗЁРАХ

Москва
2023

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

Общий недостаток знаний рыбьего мира. — Застой рыбного хозяйства в наших реках и озерах 7

ГЛАВА II

Причины обеднения внутренних вод рыбьей. — Влияние окружающей среды и человека на озерных и речных рыб . . . 17

ГЛАВА III

Инстинкт наследственный и индивидуальный. — Проявление того и другого в поступках и действиях животных 33

ГЛАВА IV

Что такое чутье? — Необыкновенные поступки, совершаемые животными под руководством этого чувства. — Животные, имеющие чуткие обоняние, зрение, слух, осязание и вкус. — Проявление чутья у человека 45

ГЛАВА V

Инстинкт и чутье обыкновенных рыб. . 55

ГЛАВА VI

Психические способности рыб. — Понимание опасности, умение из нее

выйти. — Способность взаимного предупреждения и сообщения 63

ГЛАВА VII

Голос рыб. — Органы и члены, с помощью которых они воспроизводят разнообразные звуки 73

ГЛАВА VIII 85

Чувства рыб. — Их родительская привязанность. — Выбор самками самцов. — Бои из-за самок. — Выход рыбки из икры 85

ГЛАВА IX

Жизнь рыб зимой в реках и озерах. — Становые места. — Сон рыбы и зимняя спячка. — «Дух» в замкнутых озерах. — Охота зимой. 97

ГЛАВА X

Жизнь рыб весной. — Причины упорного подъема их в верховые воды. — Явления, замеченные во время метания икры различных видов. — Передвижения и походы. — Охота весной 113

ГЛАВА XI

Жизнь различных видов рыб летом. — Изменения жизни и привычек при перемещении рыб в воды различного

свойства. — Рыбьи дороги и лазы. — Охота летом	133
1. Сом (<i>Silurus glanis</i>)	136
2. Угорь (<i>Anguilla fluviatilis</i>)	137
3. Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>)	137
4. Судак (<i>Lucioperca sandra</i>)	138
5. Ерш (<i>Acerina cernua</i>)	138
6. Щука (<i>Esox lucius</i>)	139
7. Шереспер, жерех, или конь (<i>Aspius aspius</i>)	141
8. Язь (<i>Idus melanotus</i>)	141
9. Головлъ (<i>Squalius cephalus</i>)	142
10. Плотва (<i>Leuciscus rutilus</i>)	142
11. Уклея (<i>Alburnus lucidus</i>)	143
12. Верховодка-быстрянка (<i>Leuciseus arlya</i>)	143
13. Лец (<i>Abramis brama</i>). Летка, или густера (<i>Blicca bjorkna</i>)	143
14. Сырть, или рыбец, подуст-цирта (<i>Abramis vimba</i>)	144
15. Пескарь-курмель, кельб или пискарь (<i>Gobio fluvatilis</i>)	144
16. Щиповка (<i>Cobitis taenia</i>)	145
17. Линь (<i>Tinca vulgaris</i>)	145
18. Карась (<i>Carassius vulgaris</i>)	145
19. Селява (<i>Salmo marenula</i>)	146
20. Стынка (<i>Salmo eperlanus</i>)	146

21. Голец-вьюн (<i>Cobitis barbatula</i>)	146
22. Елец (<i>Leuciscus dobula</i>)	146
23. Налим (<i>Lota vulgaris</i>)	146
24. Лосось (<i>Salmo salar</i>)	147
25. Форель (<i>Salmo tario</i>)	147
26. Липень (<i>Salmo thumalbus</i>)	148
27. Карп (<i>Cyprinus carpio</i>)	148

ГЛАВА XII

Пища рыб. — Ход метлицы и движение рыбы за последней. — Капризность и разборчивость рыб в выборе корма. — Влияние луны на рыб. — Прикормка для рыб. 157

ГЛАВА XIII

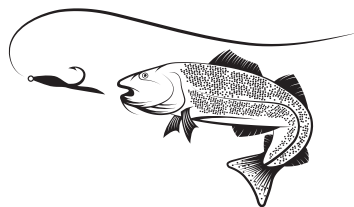
Жизнь рыб осенью. — Осенняя охота 171

ГЛАВА XIV

Рыбное хозяйство в реках и озерах. — Его необходимость, удобство устройства и громадная польза. — Время и место метания икры обыкновенных рыб 175

ГЛАВА XV

Устройство различных удочек. — стальные принадлежности
рыболова 183

И не должны мы ребячески презирать изучение низших животных, ибо во всяком создании природы есть нечто ценное... и, если кто-либо считает презрительным изучение жизни низших организмов, он должен презирать и изучение собственной природы.

Льюис

Вода, подобно свету, теплоте и воздуху, составляет необходимый элемент, без которого немислима земная жизнь. Самая жизнь в различных своих формах всегда бывает разнообразнее, роскошнее и развитее около воды, и во все времена люди старательно разыскивали воду, теснились к ней и большими или меньшими группами селились у ее берегов. Вода, помимо того, играла еще весьма важную роль в интересах человечества, предоставляя готовый, удобный путь в соседние страны, чем и помогала ему в скорейшем достижении благосостояния и развития. Труд, земледелие,

промысел, торговля, самая наука родились около воды... берега были их колыбелью.

Нельзя допустить, чтобы существовал когда-нибудь такой взрослый, здоровый человек, которому не случилось бы видеть ручей или речку, реку, озеро или море, и, надо полагать, не встречалось такого любопытного, который, будучи в состоянии думать, не остановился бы перед величием воды и не задумался над таинственностью ее обитателей — рыб. Последние, в свою очередь, также влияли на людей, представляя собой всегда свежую, здоровую пищу и увлекая их на далекий промысел. Таким

образом, не только из любопытства, не только ради своей пользы, но, казалось бы, совершенно безвольно, люди должны были хорошо ознакомиться с рыбами — узнать их жизнь. Но ничего подобного не случилось: рыбы оставались, и даже в настоящее время остаются, каким-то недоступным предметом исследования. Ни об одном животном мы не встречаем таких разнообразных, разноречивых мнений, как о жизни и способностях рыб. И большинство из поколения XIX века об их чувствах, нравах, обычаях, инстинктивных и чутьевых побуждениях судит немногим справедливее первобытных внуков Адама, которые костью той же рыбы вместо крючка вытаскивали неосторожную обительницу воды и пожирали ее тут же, сырою, с отличным аппетитом.

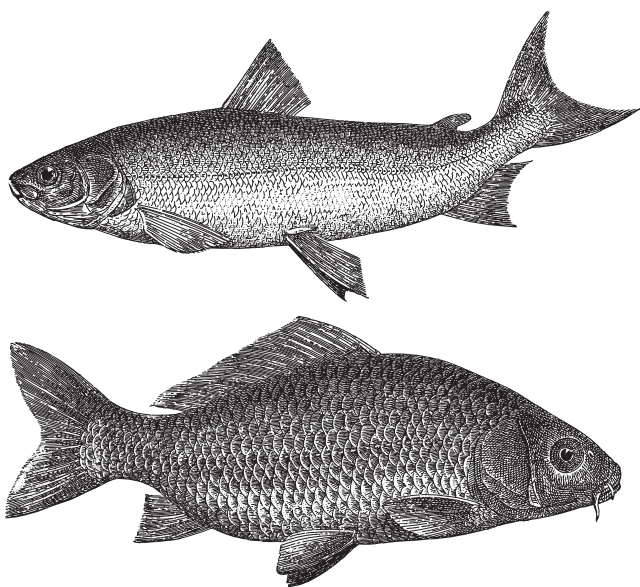
Происходит это отчасти из-за того, что на практический метод, употребляемый для исследования жизни животных, на наблюдения и подмеченные явления, хотя и взятые из живой природы, но не подходящие под наш взгляд и сложившиеся понятия, мы вообще привыкли смотреть недоверчиво. Если я заявляю о том, что наши обыкновенные озерные и речные рыбы помимо инстинкта и чутья обладают чувствительностью, вниманием, памятью, сообразительностью и хитростью, что они могут понимать друг друга, что это понимание основано на известных им движениях тела их подруг и даже свойственном каждому виду голосе, то уверен, что вызову саркастическую улыбку у господ серьезных и презрительную — у ученых. Большинство же людей развитых и образованных представляемые доводы, т.е. действия и поступки рыб, основанные на этих способностях, отнесет без всякой проверки к стороне анекдотической, к продукту увлечений и вымысла.

Положим, что наблюдатель, если не имеет возможности проследить явления

в жизни свободных животных со всей подробностью, до конца, особенно если они укрываются в среде недоступной, как рыбы, по необходимости восполняет недостатки и пробелы наблюдения своим практическим смыслом. При этом, конечно, он может ошибаться, и чем более привязан к своему делу, чем с большей любовью относится к нему, тем еще скорее увлекается; но мне кажется, что ошибки и увлечения наблюдателя-практика, неверный взгляд на подмеченные явления отчасти окупаются фактами, добытыми путем долгих стараний и нередко с огромным трудом. Факты эти, взятые из действительности, во всяком случае не могут ввести читающий люд в те заблуждения, которые нередко поселяются в них отвлеченными теориями, созданием предвзятых идей, вносимых совершенно произвольно в мир водного царства. Теории эти в большинстве своем далеко расходятся с действительностью.

«Прежде естественные науки были принадлежностью только кабинетов, — замечает Брок, — теперь они стали достоянием всех любопытных глаз, любящих и умеющих следить за животными».

«Недра вод исполнены тайн... они скрывают целый мир, который натуралист знает только поверхностно и, может быть, никогда не узнает действительно», — говорит Гартвиг; но и это поверхностное знание, если бы оно вытекало из наблюдений над свободной жизнью рыб, во всяком случае не могло привести нас к такому несправедливому и даже обидному для них заключению, какое цитируется в учебниках зоологии и проповедуется кабинетными авторитетами. «В воде живут рыбы, — говорят они, — жизнь этих тварей в недостижимой бурной стихии протекает безмолвно и однообразно... редко в их царстве молчания доходит до их слуха какой-либо звук, и только полусвет сумерек притекает к их глазу, который не дви-

жется и не закрывается никаким веком. Они полуслепы, наполовину глухи, немые, глупы и нечувствительны. Их действий не разнообразит ни понимание, ни опыт. В приискании добычи, в бегстве от неприятеля ими руководит один прирожденный инстинкт — без знания цели, без участия воли». Так учит о рыбах доктор естественных наук Мазиус, предложивший юношеству недешево свой учебник зоологии, вышедший чуть ли не 10-м изданием. Что же остается бедным детям, как не изучать и не усваивать эту красноречивую сказку, признаваемую не только их родителями, но и наставниками за несомненную истину. Конечно, детям жаль бедных рыбок, запертых безжалостной природой в вечно холодной, темной тюрьме: «Кидают их там страшные волны, гоняют беспощадные неприятели и пожирают они одна другую в потемках, ничего не видя, не слыша и не понимая...» Очень жаль! Впрочем, слава богу, «рыбы ничего этого не могут чувствовать. Они автоматы: едят и пьют без удовольствия, не чувствуют боли, ничего не желают, ничего не могут знать; опасности избегают механически, машинально». Так судил о рыбах и знаменитый Декарт.

Хорошее знание рыбьего мира приписывали древним римлянам. Но мы в настоящее время удивляемся только развалинам каменных и мраморных бассейнов, в которых гордые римляне любовались своими рыбами. Они любили рыбу, ухаживали за ней с особой заботливостью — ради удовольствия, обращали внимание на ее жизнь и приручение с целью довести мясо этих животных до утонченного жира и вкуса; но наблюдения свои они не простирали далее тесных писцин¹. Поэтому вечно подвижных, юрких и резвых рыб весьма неудачно возвели в эмблему спокойствия — «флегму». По приказанию Лукулла прорыта была близ Неаполя огромная гора и устроен канал, над которым ежедневно трудились несколько сотен тысяч рабов, и трудились для того, чтобы доставить в бассейн нескольким рыбам свежую морскую воду. Нерон собственными руками выметывал в море вывязанные из золотых нитей драгоценные неводы. Гортензий страдал и плакал по умершим любимым рыбам. Дочь знаменитого Друза приучила к себе алчных мурен², и они подплывали к ней по зову, позволяли нежной ручке ласкаться и гладить свое красивое и гибкое тело, окрашенное блестящими коричневыми, пурпурно-красными и желтыми пятнами. Тогда как те же мурены впивались своими острыми зубами в тела других людей и высасывали из них горячую кровь. Для корма мурен в Риме употребляли мясо и особенно кровь других животных. Императорских же рыб кормили человеческим мясом и кровью. В числе других римских жестоких наказаний существовало наказание «ad murenas»³. Оно заключалось в том, что осужденного раздевали и нагого опускали по шее в цистерну, где мурены вырывали из его тела куски

¹ Бассейн для рыбы.

² Угреподобная рыба Средиземного моря.

³ «К муренам».

мяса и высасывали из глубоких ран струившуюся кровь. Доктор Мазиус очень наивно замечает, что римляне только вследствие своего попечения приобретали власть над тупоумными рыбами, которой мы вовсе не имеем.

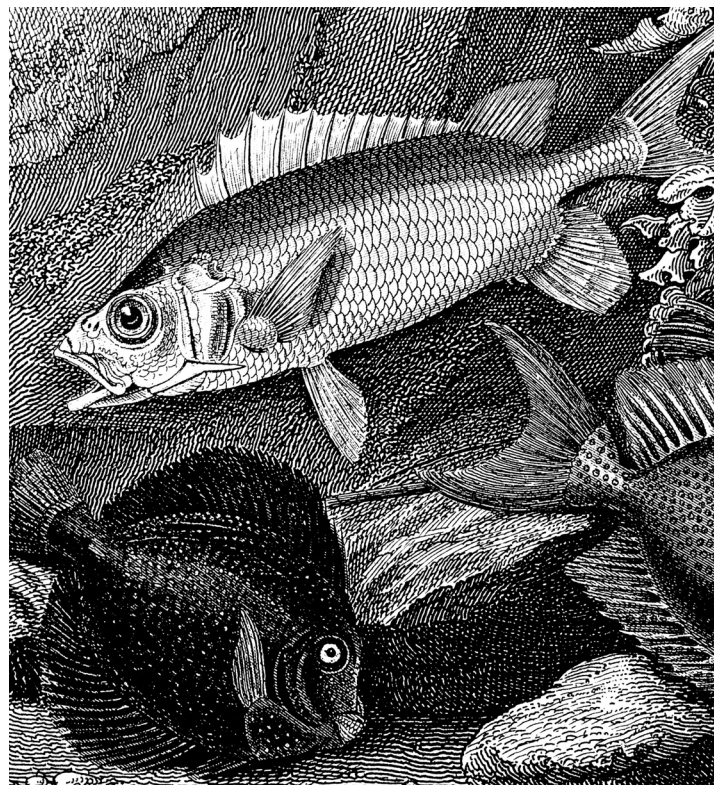
Кювье был уверен, что рыбы стоят на самой низкой ступени умственного развития и во всех своих поступках и действиях руководствуются одним инстинктом.

Линней пришел к заключению, что рыбы лишены даже дара взаимного понимания и ни одним звуком, ни одним движением не могут передать друг другу никаких желаний.

Коста, Агасис, Деви, Фогт, Шлейден, Лайель, Дарвин и другие натуралисты, напротив, не только не отвергают возможности существования у рыб острого слуха, достаточных зрения и чувствительности, но даже признают у них память, долю рассудка и способность воспроизводить явственные и определенные звуки. Они допускают, что рыбам, подобно другим животным, знакомо чувство удовольствия, радости, боли и страдания.

Общий недостаток определенных знаний рыбьего мира происходит также от крайней бедности и отсутствия разноместных наблюдений над жизнью рыб на воле. Наука, не имея точных живых фактов, основывая свои выводы на гипотезах и теориях, низвела рыб чуть ли не на ступень растений, и ее нельзя винить в этом. Самый гениальный техник не воздвигнет не только капитального, но и сколько-нибудь прочного здания, не имея для постройки заблаговременно хорошо подготовленных материалов. Последние выходят обычно из рук добросовестных тружеников-чернорабочих. В науках естественных есть также своего рода черный труд: это непосредственное наблюдение, сопряженное нередко с большой затратой сил, перенесением всякого рода лишений и жертвований.

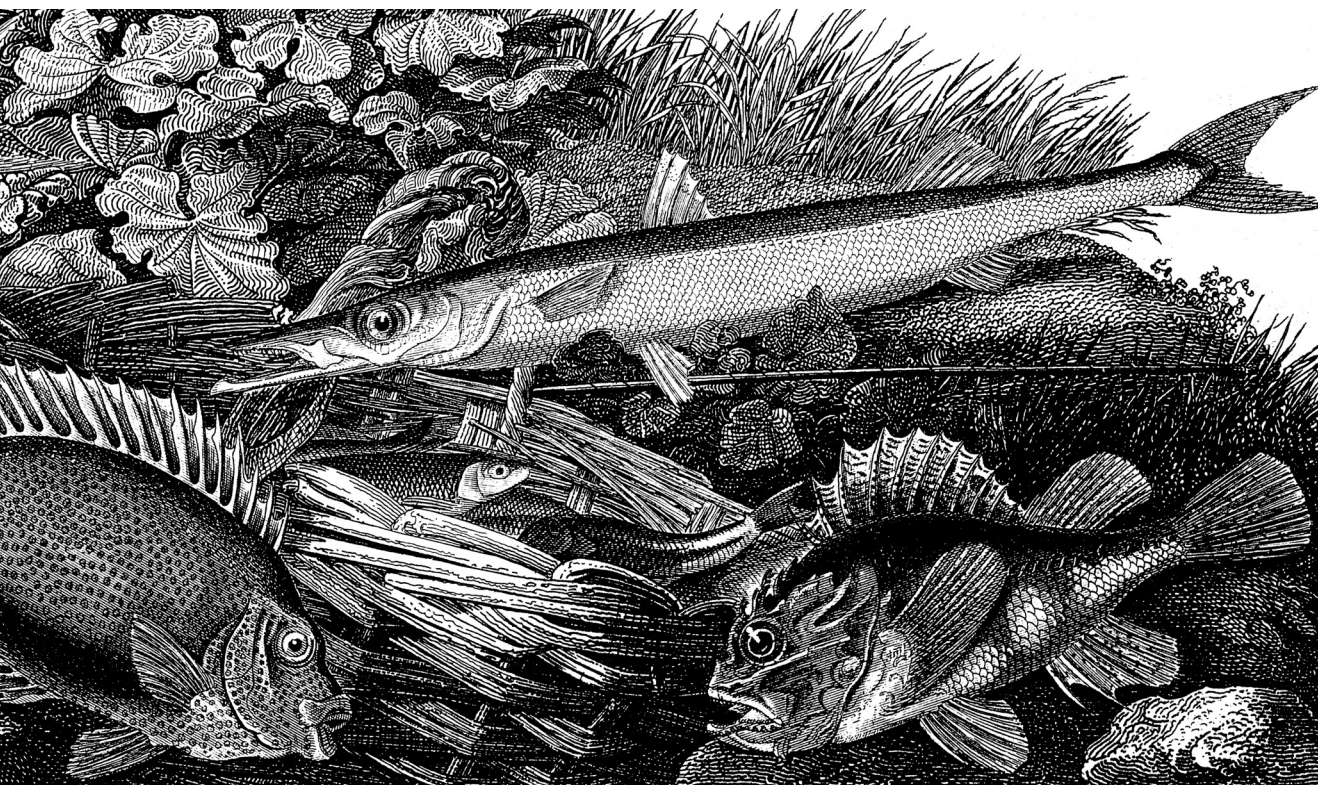
В настоящем посильном опыте исследования жизни обыкновенных рыб, которые более или менее повсеместно населяют наши пресные воды, т.е. таких, как окунь, ерш, плотва, уклейка, лещ, судак, щука, угорь, язь, голавль, жерех, сом и проч., я старался именно не сходить с почвы подготовителя материалов; старался следить за действиями, повадками и обычаями рыб; дополнять пробелы расспросами дельных любителей рыболовов и, наконец, извлекать нужные сведения из доступных провинциалу научных источников. Признаюсь, много потрачено на это небольшое дело, особенно физического труда, за наблюдением жизни рыб только в двух бассейнах — Западно-Двинском и Неманском. Много проведено дней и ночей в течение более 25 лет на берегу и в воде, в сырости и мокроте, на холоде и в непогоду. Часто приходилось по несколько часов кряду с всевозможной осторожностью, сосредоточенным внима-

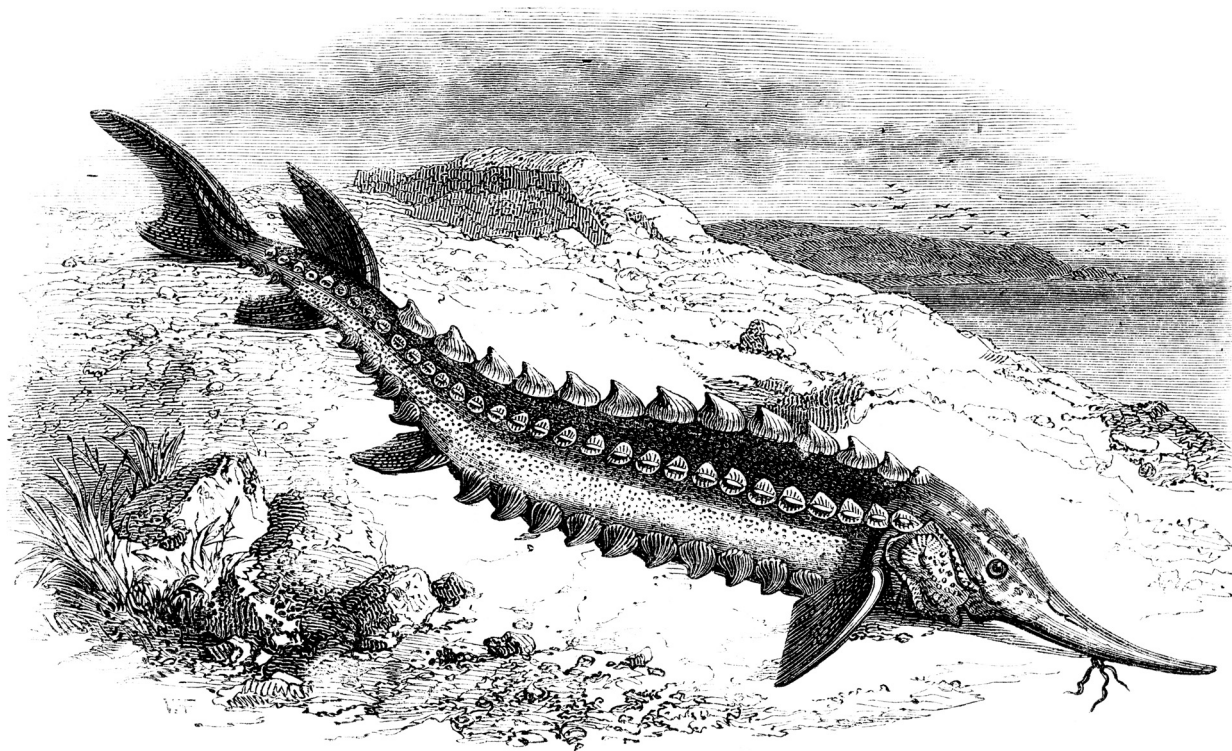

нием приковывать слух и зрение к одному месту — тихой оттененной глуби, широкому плесу, оголенной отмели или катящимся одна за другой убеленным пеною волнам... искать и ловить в них движение тех всегда пугливых и быстрых рыб, которые, помимо недоступности самой стихии, в которой живут, умеют так ревниво скрывать свои привычки и сохранять в тайне свою вольную жизнь. Только станет обнаруживаться какое-либо явление водной жизни наглядно, на деле, только начнут открываться обстоятельства, его сопровождающие, достаточно бывает самого ничтожного постороннего влияния, малейшего шума, чтобы их уничтожить. Потянет легкий ветерок над спокойной поверхностью, пробежит мимолетная зыбь, всплеснется поодаль разгулявшаяся рыба или пролетит над водой птичка в погоне за букашкой, нарушит ли окружающую тишину шорох от перемещения усталой руки, и наблюдаемые водные

обитатели пугливо размечутся, падут книзу, убегут вглубь, и незаконченное явление исчезнет, исчезнет надолго, требуя вновь свежих сил, благоприятных обстоятельств и долгого усидчивого терпения. Только упрямая настойчивость, любопытство, охота да удочка несколько облегчают труд и доводят до более или менее счастливых результатов.

Как бы ни показалось странным, но о рыбной охоте и ее представителе — удочке мне приходится говорить серьезно. При этом я позволю себе надеяться, что не только рыболовы, но и люди солидные — с весом, у которых хватит терпения дочитать до конца настоящее исследование, отнесутся несколько осторожнее к этой, как говорят, детской забаве и предмету развлечения людей праздных. О рыбной охоте составилось у нас, вообще, такое же неверное и несправедливое мнение, как и о самих рыбах. Говорят, что это занятие

скучное, не требующее особого умения, ловкости, искусства, поэтому и не содержит в себе такого интереса и привлекательности, как охота ружейная. Полагают, что ловля рыбы удочкой никогда не ставит охотника в опасное положение, что знание и удальство чужды ее сфере. Все подобно-го сорта мнения красноречиво опровергнуты нашим знаменитым охотником Сергеем Аксаковым в его «Записках об ужении рыбы», и мне остается только добавить, что для ловли хорошей рыбы удочкой необходимо гораздо больше знаний, чем для отстреливания хорошей дичи. С рыбой, особенно большой, дело приходится иметь не на глазах, не на суше, а большей частью вдали от берега, на глуби, в легком, вертком рыбацком челноке, одному и с одним гибким удилищем в руках. Рыба на удочке далеко еще не в лодке или мешке. С того момента как она попала на крючок, только начинается борьба. С одной стороны, победа зависит от хладнокровия, искусства,

ловкости и терпения ловца, с другой — от силы, быстроты, хитрости, сообразительности рыбы. Наконец, охота на воде кажется немного беспокойнее и опаснее наземной, притом она подвержена нередко таким случайностям, которые могут переносить только люди, обладающие приличным запасом терпения, твердости и смелости.

Джонстон Франклин справедливо замечает, что ужение заставляет обратить внимание на характер местности, для чего нужна пронизательность взгляда. Оно необходимо требует известных личных качеств. Если вы обладаете этими качествами: ловкой рукой, верным взглядом, знанием жизни рыб и местности, а также терпением и настойчивостью — идите удить. Вы возвратитесь с хорошей добычей.

Гумфри Деви, председатель ученого общества в Англии, имя которого известно едва ли не каждому образованному человеку, был вполне предан уженью и написал исследование об ужении лососей.

Нынешний шведский король¹ весьма искусный рыболов. Объезжая свое охотничье царство, он не упускает случая посетить неприветливые норвежские берега и там, на приморских речках, всегда предается редкому удовольствию — ловле удочками лососей.

Шмидт рассказывает, что у американцев и англичан ужение вошло в национальное препровождение времени и большинство из них, без всякого различия сословия, пола и возраста, предается этому приятному развлечению. В хорошую погоду, особенно в праздничные дни, берега рек в этих цивилизованных странах покрываются самыми разнообразными и разнохарактерными представителями общества. И благородный лорд, и бедный крестьянин, и гордая леди одинаково оспаривают друг у друга удачу лова.

Но оставим удочку как предмет охоты и удовольствия или как сравнительно удобный промысловый снаряд для добычи рыбы (ею вылавливают одного осетра в северной части Каспийского моря, по заверению Небольсина, на 5 млн рублей серебром, для чего ежегодно забрасывают до 67½ млн удочек) и обратим наше внимание на удочку как на инструмент для исследования жизни рыб. Мы должны будем признать, что она в воде отчасти заменяет телескоп на земле, показывая не только глазу, но давая знать слуху и осязанию о том, что делается в недоступной глубине. Она показывает, какую пищу, в какое время года приискивает каждый отдельный вид рыбы; она поясняет, когда рыбы ищут корма в глубине на плесе², когда ближе к берегу на отмели, когда отдыхают

и спят, когда сваливают в стадо и когда гуляют враздробь — в одиночку. Она дает понять, как далеко видят рыбы днем, в сумерки, темной ночью или в мутной воде; имеют ли они чувства обоняния, осязания и вкуса и какое влияние на них производят атмосферные перемены, времена года, повышения и понижения температуры и вообще различные движения воды. Одним словом, так как жизнь рыб обусловлена главным образом пищей и ее приисканием, то удочка, употребленная как орудие с целью исследования и приспособления к насадке на нее всевозможных родов пищи, употребляемой рыбой в различных местностях и на разных глубинах, указывает такие особенности в жизни рыб, такие странные их норовы и привычки, о которых без пособия для удочки невозможно было бы добыть никаких сведений.

«Если мы знаем биографию некоторых рыб, — говорит Франклин, — то обязаны этим рыболовам, в особенности удильщикам, а не исследователям и натуралистам. Одна удочка дает возможность изучить рыбий мир».

Безошибочно можно сказать, что почти каждый простолудин-рыболов знаком с жизнью рыб гораздо более людей образованных и пользуется этим знанием — про себя, нанося значительный ущерб владельцам вод. Подобным только аргументом можно объяснить причины почти повсеместного застоя нашего рыбного хозяйства в реках и озерах. Каким оно было сотни лет тому назад, таким почти всецело остается и поныне. Наши помещики не только не догадываются, что ими заброшена целая отрасль сельского хозяйства — отрасль важная, прибыльная и необходимая, но они с непонятной пассивностью не думают даже о простом сбережении того капитала, который имеют в рыбах. Во время нереста, когда рыба набивается в речки

¹ Оскар II — король Швеции с 1872 года из династии Бернадотов, сын Оскара I и Жозефины Лейхтенбергской. Вступил на престол после брата Карла XV, не оставившего сыновей. — *Примеч. ред.*

² Удаленные от берега места озер и рек.

или нерестующие¹ берега, они позволяют всевозможными снарядами вылавливать гурты икрянок и молочников, не зная самого простого факта, что одна сотня уничтоженных маток способна дать в один только год по меньшей мере около 5 млн детей, которые, в свою очередь, через два или три года сами становятся способными воспроизводить такое же многочисленное потомство.

Они не препятствуют осенью вылавливать молодь, которая к этому времени сбивается в большие станицы² и погибает нередко всем годовым приплодом в густых сетях опытных рыболовов. Так как молодые рыбки первого года достигают к осени величины не более 1½ дюйма, то обыкновенно идут в сушку. Гарнец сушеного судачка или окунца, в который входит до 6000 экземпляров рыбок и который весит около 6 фунтов, стоит в среднем 30 коп. Трехгодовалых рыб идет на фунт около 10 штук ценой не менее 7 коп. В результате оказывается, что владелец, получивший

за гарнец рыбы в первый год ее жизни ≈30 коп., через три года имеет возможность без особых затруднительных затрат получить 40 руб.

Нам даже неловко и неприятно сознаваться, что мы привыкли только из наших усадеб любоваться живописными водными видами, расстилающимися перед нашими глазами, как бы не зная, что в этих водных пространствах живет целый класс полезных животных, уменьшающихся не только с каждым годом, но и с каждым днем.

Наследственный предрассудок и закоренелое временем ложное убеждение относительно рыбьего мира о его неистощимости, недоступности и нечувствительности к окружающей среде служит, как увидим впоследствии, одной из главных причин обеднения наших вод рыбьей. Но кажется, настало время, когда владельцы и на эту отрасль хозяйства должны будут обратить серьезное внимание и повести рыбное хозяйство по пути более расчетливому и разумному. Не сомневаемся, что молодое поколение скажет им большое спасибо за открытый, действительно богатый — при уходе неистощимый — продукт не только питания, но также промысла и торговли.

¹ Нерест, трение, течка — различные местные названия времени икрометания рыб.

² Станицы, станички — мест. стаи, стайки, группы рыб. — *Примеч. ред.*

